

О СБЛИЖЕНІИ ГОРЦЕВЪ СЪ РУССКИМИ НА КАВКАЗЪ.

При быстрыхъ успѣхахъ нашего оружія на Кавказѣ въ настоящее время, не лишнимъ будетъ обратить вниманіе на способы сближенія горцевъ съ Русскими, какъ на средство, могущее содѣйствовать къ успокоенію Кавказскаго края не менѣе, какъ и военныя мѣры.

Кавказскій горецъ способенъ скоро образоваться и улучшить свой бытъ; онъ не лѣнивъ отъ природы, его жизнь, исполненная ежеминутныхъ тревогъ войны, постоянно возбуждаетъ и поддерживаетъ энергію духа. Но эта же самая жизнь, заставляя его каждый день опасаться за свое убѣжище, не развиваетъ въ немъ охоты къ улучшенію своего быта, а щедрая природа края, возвращающая съ избыткомъ каждую горсть пшена, брошеннаго въ землю, обиліе водъ и лѣсовъ (исключая нѣкоторыхъ мѣстъ Дагестана), удовлетворяя всѣмъ его нуждамъ, не возвышаетъ его дѣятельности. По этимъ—то причинамъ, съ перваго взгляда кажется, что кавказскій горецъ обладаетъ тою лѣнью, тою апатіей, которыя такъ свойственны многимъ азіатскимъ народамъ, а вникнувъ въ дѣло, увидимъ, что только по неимѣнію путей для своей дѣятельности, по недостатку направленія ея на лучшую дорогу, горецъ остается и можетъ быть долго еще оставаться въ полудикомъ состояніи.

Устраните же это равнодушіе къ своему быту, порожденное обстоятельствами, происходящее отъ ограниченныхъ требованій

жизни, отъ легкаго способа удовлетворять неприхотливымъ своимъ желаніямъ; займите умъ горца, способный къ движенію; дайте направленіе его энергической дѣятельности, и благотворныя послѣдствія перерожденія не замедлятъ высказаться во всей своей силѣ.

Обративъ вниманіе на характеръ кавказскихъ горцевъ, мы необходимо придемъ къ заключенію, что подвиги нашего оружія въ такой войнѣ, какъ на Кавказѣ, необходимо должны быть поддерживаемы дѣлами цивилизаціи.

Въ видахъ исполненія этой идеи, общественныя и торговыя сближенія горцевъ съ Русскими могутъ много содѣйствовать къ смягченію характера первыхъ, и высказывая имъ выгоды цивилизованной жизни, выставить Русскихъ, не какъ гровныхъ побѣдителей, жаждущихъ войны, ищущихъ кровопролитія, но какъ націю, заботящуюся объ улучшеніи ихъ состоянія. Эти сближенія могутъ послужить началомъ образованія края и значительно облегчить военныя операціи, и даже иногда устранить ихъ печальную необходимость. Подтвердимъ это очевиднымъ примѣромъ.

Во второй половинѣ 1844 года, на мѣстѣ бывшаго аула Чахъ-Кири, возникло сперва укрѣпленіе, а потомъ и крѣпость Воздвиженская, весьма важная для лѣваго фланга Кавказской линіи. По обѣимъ сторонамъ крѣпости, въ разстояніи отъ нея около 400 шаговъ, тотчасъ же образовались два аула, оба на лѣвой сторонѣ рѣки Аргуна, по дорогѣ изъ крѣпости Грозной—Атага, а минуя Воздвиженскую на линіи къ Аргунскому ущелью, Чахъ-Кири. Въ первое время населеніе этихъ ауловъ было весьма незначительно, но не далѣе какъ черезъ два года, какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ аулѣ считалось по 500 слишкомъ семействъ. Сначала жители, тая еще къ намъ нерасположеніе, волнуясь внушеніями набовъ Шамиля, нерѣдко участвовали въ набѣгахъ и схваткахъ враждебныхъ партій. Послѣ каждаго болѣе или менѣе значительнаго дѣла, можно было встрѣтить въ которомъ либо изъ названныхъ ауловъ похороны убитаго, или увидать раненаго; разслѣдованій и взысканій въ такихъ случаяхъ дѣлать было невозможно, чтобъ не ожесточить народъ. Болѣе же ясныхъ доказательствъ на проступокъ нельзя была найти, потому, что убитый, или раненый, всегда по словамъ горца былъ изъ числа удалцовъ, отправлявшихся на кражу лошадей, или другаго скота у немирныхъ горцевъ. Въ аулы эти, какъ офицеры,

такъ и солдаты, ходили за покупкою чего либо непрестанно въ числѣ пяти, семи человекъ, хорошо вооруженные; подъ вечеръ никто не отваживался туда пускаться, о ночномъ путешествіи не могло быть и помина. Но вотъ, годъ за годомъ подобные случаи становились рѣже; Русскіе стали ходить въ аулы по одиночкѣ, безъ оружія, опасность представлялась только со стороны чеченскихъ собакъ; нѣкоторые изъ офицеровъ засиживались у своихъ кунаковъ до поздней ночи, случалось, что и ночевали, а если когда и были провожаемы до воротъ крѣпости въ ночное время своими кунаками, то болѣе изъ опасенія со стороны немирныхъ горцевъ, имѣющихъ обыкновеніе пріѣзжать къ своимъ роднымъ или знакомымъ нерѣдко къ ночи. Въ это время гарнизонъ крѣпости, состоявшій болѣе, чѣмъ изъ 6,000 человекъ (1-й, 2-й, 3-й баталіоны Куринскаго пѣхотнаго полка, инвалидная и нестроевая роты этого же полка, два Кавказскихъ линейныхъ баталіона, донская и гарнизонная артиллерія и Донскіе козаки), нуждаясь въ жизненныхъ припасахъ, началъ сближаться съ горцами по торговымъ отношеніямъ: скотъ, куры, медъ, масло, молоко, яйца, лукъ, ягоды, овчины для шапокъ и тулуповъ (курпей), бурки, сафьянъ, и разныя изъ него подѣлки (чевяки, пантронташи), туземное сукно, нерѣдко оружіе и даже кукуруза и деревянные корневые трубочки, приносимыя ежедневно въ крѣпость горцами, находили немедленный сбытъ. Неприхотливыя жизненныя требованія горцевъ вполне окупались выручаемыми деньгами за продажу туземныхъ произведеній. Каждая женщина, въ продолженіе четырехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, продавала однѣхъ ягодъ, орѣховъ и проч., что ей стоило только труда собирать, на 15—20 р. сер.; приблизительно можно опредѣлить, что семейство, пускаясь въ торговый промыселъ, выручало до 125 р. сер. въ годъ; имѣя при этомъ нѣсколько головъ скота, годовой посѣвъ ячменя и кукурузы, вольныя дрова и сѣно, естественно, что пріобрѣтенныя торговлею деньги горцы могли употреблять прямо на улучшеніе своего быта. Послѣдствія сближенія съ Русскими, а черезъ это развитіе горской промышленности, были очевидны: на мужчинахъ рѣже встрѣчались лохмотья, у многихъ женщинъ завелись канаусовыя бешметы, на дѣтяхъ стали появляться рубашки и чевяки, вмѣсто прежняго ихъ природнаго костюма и старой папахи съ отцовской головы; грязь, столь свойственная полудикому народу, рѣже бросалась въ глаза; многіе изъ горцевъ узнали употребленіе чая и водки; безъ этихъ двухъ

потребностей вскорѣ не происходило никакого угощенія при торжественныхъ случаяхъ; у многихъ обычай пить чай утромъ вошелъ въ обыкновеніе. Довольство, разлившееся среди горцевъ, не понуждало ихъ отваживать свою жизнь для пріобрѣтенія коровы или пары барановъ въ чужомъ аулѣ, несмотря на то, что украсть, хотя бы то было съ опасностью жизни, считается у горцевъ молодецкимъ дѣломъ. Я помню, какъ однажды Чеченецъ, желая польстить одному генералу, дѣйствительно постоянно счастливому въ набѣгахъ за отбитіемъ горскаго скота, сказалъ: «О! ты самый лучший человекъ, ты такой воръ, какого нѣтъ во всей Чечнѣ!» Черезъ пять лѣтъ послѣ возведенія крѣпости Воздвиженской, нельзя было узнать окружавшихъ ее ауловъ, народонаселеніе увеличилось въ трое, безъ малѣйшаго усилія со стороны Русскихъ; горцы десятками семействъ переселялись въ аулы Атагу и Чахъ-Кири; не столько стѣсненное ихъ положеніе въ горахъ, сколько выгоды жизни ихъ единоверцевъ въ обществѣ съ Русскими понуждали ихъ къ тому.

Этотъ примѣръ ясно говоритъ въ пользу сближенія горцевъ съ Русскими. Занятіе мѣстности, на которой устроена крѣпость Воздвиженская, первоначально будучи дѣломъ чисто военнымъ, въ послѣдствіи приняло видъ административной мѣры, которая и была выполнена съ возможно желаемымъ успѣхомъ. На нѣсколько подобныхъ случаевъ поселенія ауловъ близъ крѣпостей, можно указать и въ прошедшемъ времени, наприм. аулы: при крѣпости Грозной въ Чечнѣ, при Темиръ-Ханъ-Шурѣ въ Дагестанѣ, при крѣпости Внезапной и укрѣпленіе Ташъ-Кичу, на Кумыкской плоскости, но поселенія этихъ ауловъ было дѣломъ случайности, а не преднамѣреннымъ исполненіемъ къ благу края. Такъ аулъ Андреевской былъ основанъ, какъ говоритъ преданіе, современникомъ и товарищемъ Ермака, козакомъ Андреемъ, отставшимъ отъ Ермака, во время отправленія того за Уралъ, а крѣпость Внезапная основана въ позднѣйшія времена генераломъ Ермоловымъ (*). Укрѣпленіе Ташъ-Кичу было построено при аулѣ этого имени; аулы Каранай и Эрпели современны Темиръ-Ханъ-Шурѣ. Нынѣ, хотя и стараются поселять близъ вновь возводимыхъ укрѣпленій горскіе аулы, но мѣры эти приводятся въ исполненіе не очень успѣшно, можетъ быть по причинамъ, совершенно независящимъ отъ правительства.

(*). Въ послѣдствіи Русскіе были вырѣзаны горцами въ деревнѣ Андреевой и деревня перешла въ ихъ руки.

При колеблющемся вліяніи Шамиля на горцевъ въ послѣднее время, при стѣснительномъ положеніи самихъ горцевъ по случаю занятія русскими войсками и укрѣпленіями послѣднихъ ихъ убѣжищъ, изъ которыхъ они могли бы производить безнаказанно свои нападенія, — приглашеніе горцевъ селиться около вновь возводимыхъ укрѣпленій, съ предоставленіемъ вновь поселяемымъ достаточныхъ льготъ и выгодъ, — много подвинуло бы впередъ спокойствіе края. Скопленіе около нашихъ крѣпостей значительнаго населенія, обладающаго воинственнымъ духомъ, не можетъ породить опасенія за судьбу крѣпости: хорошо устроенная, занятая необходимыми гарнизономъ, крѣпость скорѣе будетъ имѣть вліяніе на окружающее ее населеніе; а принявъ въ соображеніе послѣдовательное преобразование жизни горцевъ, невозможность тайнымъ образомъ составлять скопища для набѣговъ, и неимѣніе въ средѣ своей лица, которое бы открыто руководило ими въ подобномъ предпріятіи, можетъ смѣло ручаться за спокойствіе ауловъ, и за довольство ихъ быта; всегда нераздѣльное съ осѣдлою жизнью.

Построеніе мечетей, открытіе первоначальныхъ училищъ, назначеніе базарныхъ дней во вновь поселенныхъ и болѣе уже устроенныхъ аулахъ, развило бы общественную жизнь между горцами и облегчило бы ихъ сближеніе съ Русскими.

Разсмотримъ несомнѣнную пользу для края этихъ трехъ учрежденій, необходимыхъ въ началѣ всякаго устроивающагося общества. Во всѣ времена, у всѣхъ народовъ, церковь, рынокъ, школа возникали тотчасъ, при первомъ приступѣ къ улучшенію быта. Въ Чечнѣ, какъ въ центрѣ военныхъ дѣйствій, какъ въ странѣ, наполненной народомъ непокойнымъ, народомъ, на который преимущественно слѣдуетъ обратить вниманіе построеніе деревянныхъ а по мѣстности и каменныхъ мечетей, показало бы горцамъ, что Русскіе не притѣсняють ихъ вѣроисповѣданія, а напротивъ покровительствуютъ ему и заботятся о его благоустройствѣ. Противопоставить фанатизму горца европейскую вѣротерпимость есть великое дѣло христіанской любви и мудрой политики. Изъ многихъ историческихъ данныхъ мы видимъ, что не мѣры строгости и насилія, а мѣры кротости и терпѣнія способствовали къ преобразованію народовъ, и даже самая христіанская религія водворилась не на окровавленныхъ поляхъ битвы и не силою оружія, а словомъ, дѣломъ и терпѣніемъ ея поборниковъ.

Учрежденіе при мечетяхъ магометанскихъ училищъ, подъ надзоромъ людей, избранныхъ правительствомъ, могло бы внушить молодому поколѣнію идеи, необходимыя при будущемъ его развитіи. Со стороны родителей учрежденія эти не встрѣтили бы равнодушія, потому что каждый горецъ, по врожденной ему смѣтливости, очень хорошо понимаетъ, какъ высоко стоятъ въ общественномъ мнѣніи ихъ кадїи, муллы и улемы, знающіе не болѣе какъ чтеніе одного только корана. Наконецъ небольшія денежныя награды, выдаваемые по временамъ лучшимъ ученикамъ и конечно поступающія въ собственность родителей, еще болѣе привлекли бы горцевъ къ желанію образованью своихъ дѣтей; а по окончаніи ученья, курсъ котораго со временемъ могъ расширяться, принятіе молодыхъ горцевъ на службу съ предоставленіемъ тѣхъ же самыхъ правъ и выгодъ, какъ и Русскимъ урожденцамъ, — совершенно обратило бы горцевъ въ пользу учрежденныхъ училищъ.

Назначеніе базарныхъ дней вполне согласовалось бы съ духомъ народа, жизнь восточнаго челоука проходитъ на базарѣ; допустимъ, пожалуй, что эти базарные дни не принесли бы въ первое время ощутительной пользы въ торговомъ развитіи края; но уже одно то говоритъ въ пользу этого учрежденія, что горецъ, собираясь, прїйдя на базаръ и отправляясь съ онаго, проводитъ нѣсколько дней не въ той праздности, которой онъ подвергается въ своемъ аулѣ и которая нерѣдко вызываетъ его дѣятельность на другомъ поприщѣ, часто сопряженномъ съ опасностью.

Мы видимъ примѣры подобныхъ базаровъ во многихъ селахъ и деревняхъ Россіи, на которыхъ по воскресеньямъ, средамъ, или другимъ днямъ, назначеннымъ разъ на всегда, собираются изъ окрестныхъ деревень сотни народа, для покупокъ не болѣе какъ горшковъ, дегтю, осей, колесъ и прочихъ произведеній сельской промышленности; а если въ которомъ набудь изъ селеній, раза три или четыре въ годъ, въ дни храмовыхъ или большихъ праздниковъ, устанавливается подобный базаръ съ продажею скота, хлѣба и краснаго товара, то это ужъ называется ярмаркою, и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ увеличиваясь въ своемъ объемѣ, получаетъ утвержденіе правительства; словомъ, началомъ всѣхъ ярмарокъ, оживляющихъ торговлю и промышленность какой либо мѣстности, можно принять первоначальные базарные дни въ отдаленно минувшемъ времени. По-

стоянное существованіе подобныхъ базаровъ въ русскихъ деревняхъ и селахъ и потомъ превращеніе этихъ базарныхъ дней въ ярмарки, доказываетъ, что они могутъ и должны существовать; слѣдственно, примѣненіе этого учрежденія не могло бы быть бесполезнымъ и для жителей Кавказскаго края. Ловкій и хитрый кавказскій горецъ, ничѣмъ не хуже нашего смышленнаго мужика, онъ также хорошо слѣлаетъ колесо, какъ и тотъ; медь и овчины приготовить едвали не лучше, а кой въ чемъ другомъ, пожалуй, и далеко оставить русскаго мужика за собою.

Посмотрите на Ташъ-Кичинскій базарный день, который постоянно бываетъ въ пятницу (джуму, соотвѣтствующую нашему воскресному дню), чего вы не найдете тамъ: лошади, рогатый скотъ, овцы, оружіе, ковры, сѣдла, туземные сукна, серебрянный галунъ, шолковая тесьма для обшивки черкесокъ, сафьянъ, издѣлія изъ него, роскошно шитыя серебромъ, канаусъ, овчинные мѣха, шитая горская одежда, конская сбруя, бурки, табакъ, плоды, жизненные припасы, въ лавкахъ, которыя занимаютъ мѣста нашихъ харчевень; вы найдете все, что можетъ удовлетворить вкусъ не только горца, но и неприхотиваго европейца, свыкнувшагося съ жизнью на Кавказѣ: вина, шашлыкъ, плаинды, супъ съ бараниной, пловъ, предлагаются желающему за весьма небольшую плату. Въ Темиръ-Ханъ-Шуръ тоже самое; за то вы и не встрѣтите на этихъ базарахъ оборванныхъ горцевъ, тамъ на каждомъ почти вы увидите приличную черкеску, у многихъ обшитуя серебрянымъ галуномъ; о лошадяхъ и говорить нечего, горецъ пойдетъ пѣшкомъ, или вовсе не пойдетъ, но на плохомъ конѣ не поѣдетъ. Нерѣдко встрѣтите сѣдла, окованныя серебромъ; а уздечку и оружіе, каждый болѣе или менѣе зажиточный горецъ, непременно украшаетъ этимъ металломъ. Въ обыкновенное время базары эти, особливо въ Ташъ Кичу, не очень многочисленны; въ послѣднемъ укрѣпленіи гарнизонъ не великъ, и торговля вся обращается между окрестнымъ горскимъ населеніемъ; по надобно взглянуть на нихъ въ то время, когда чрезъ Ташъ-Кичу или Темиръ-Ханъ-Шуру проходятъ значительные отряды войскъ, что случается довольно часто; толпы продающаго и покупающаго народа кишатъ какъ въ московскомъ гостиномъ дворѣ и пресловутой ножевой линіи, въ первые дни Оминой недѣли, при распродажѣ такъ называемыхъ остатковъ.

Можетъ быть нѣкоторые, незнакомые съ бытомъ кавказскихъ горцевъ, или знакомые съ нимъ поверхностно, возражать, что базарочные дни, не принеся нѣкоторымъ горцамъ большой пользы, отвлекутъ ихъ отъ хозяйственныхъ и домашнихъ занятій желаніемъ толкаться безъ дѣла. На это можно будетъ сказать, что ежели подобныя опасенія и можно будетъ отнести только къ нѣкоторымъ, то объ этомъ и говорить не стоитъ: въ каждомъ хорошемъ дѣлѣ можетъ легко оказаться небольшое неудобство, а большинство горцевъ не пострадаетъ отъ этого потому, что у него чрезвычайно какъ много свободнаго времени дома, которое онъ не знаетъ рѣшительно куда дѣвать, — и вотъ почему: женщина на востокѣ раба, не допускаемая въ общество мужчинъ, обязанная для него работать, почитать и бояться своего господина, — по этому всѣ домашнія и даже полевыя работы исполняютъ у горцевъ женщины, равно какъ и у другихъ азіатскихъ народовъ; женщины сѣютъ и убираютъ хлѣбъ, женщины косятъ сѣно и ходятъ за скотомъ, если же иногда мужчина и раздѣляетъ ея трудъ, то вслѣдствіе явной невозможности преодолѣть таковой слабыми ея силами; часто случается видѣть, что горецъ нарубитъ дровъ, а на аубу ихъ положить женщина, дома уберетъ ихъ она же; на встрѣтившемся возу сѣна, вы непременно увидите сидящаго горца, съ трубочкой въ зубахъ, а жену его, идущую возлѣ и несущую ребенка за плечами. Поэтому женщины въ горахъ если не выполняютъ почти всѣхъ работъ, то по крайней мѣрѣ большую часть оныхъ, а вслѣдствіе этого у мужей ихъ всегда достаточно времени на бездѣйствіе, которое выражается у него иногда теченіемъ кинжала, или строганіемъ палочки близъ порога своей сакли.

Въ большее подтвержденіе всего сказаннаго, обращаю вниманіе всякаго, кто только бывалъ на Кавказѣ, на аулы Большой и Малой Кабарды: — страна эта, болѣе полуо́вка не принимающая участія въ смутахъ и волненіяхъ Кавказа, наслаждается возможнымъ довольствомъ. Принявъ въ соображеніе, что въ прежнее время на эту область не обращали особаго вниманія потому, что Кабардинцы жили тихо и смирно, а этого было довольно, увидимъ, что довольство страны создано такъ сказать само собою, безъ малѣйшей сторонней помощи. Если въ Кабардѣ не въ каждомъ аулѣ найдете мечеть, базаръ и школу, то въ болѣе многолюдныхъ непременно встрѣтите одно изъ подобныхъ учреж-

неній, связывающее своимъ мѣстнымъ вліяніемъ многіе мелкіе аулы, разсыпанные въ окружности.

И такъ, все, что теперь можно пожелать вновь поселяемымъ близъ русскихъ крѣпостей горскимъ ауламъ, такъ это постепеннаго устройство мечетей, училищъ и установленіе базарныхъ дней. Остальное придетъ само собою. Если на эти учрежденія изъ суммъ, ежегодно предназначаемыхъ для кавказскаго края, отдѣлять 10,000 р. сер. и распредѣленіе этой суммы подчинить не установленнымъ одинъ разъ навсегда правиламъ, но той необходимости, которую можетъ усмотрѣть всегда вѣрный взглядъ администратора, то въ результатѣ оказалось бы въ скоромъ времени много и очень много хорошаго.

С. ИВАНОВЪ.